

Гусельцева М.С. Культурно-историческая парадигма в психологии и социогуманитарных науках

ГУСЕЛЬЦЕВА М.С. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

English version: [Guseltseva M.S.Cultural-historical paradigm in psychology and social sciences and humanities](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Вопросы развития культурно-исторической парадигмы в современной науке обсуждаются с позиции культурно-аналитического подхода, предназначенного для интерпретации и обобщения культурно-психологических исследований на стыке психологии и смежных наук. Утверждается, что культурно-историческая парадигма в современной науке представлена разнообразием интеллектуальных исследовательских традиций, подходов и направлений; одновременно она приобретает черты трансдисциплинарности и транснациональности. При этом культурно-аналитический подход демонстрирует значимость латентных движений, недооцененных идей и скрытых тенденций в истории науки. В его концептуальных рамках совершается реконструкция утерянного культурно-психологического наследия, восстановление незаслуженно забытых идей и имен. История психологии превращается здесь в непрерывный поток переосмысления и реконтекстуализации культурно-психологического знания.

Ключевые слова: культурно-историческая парадигма, культурно-аналитический подход, интеллектуальные исследовательские традиции, латентные движения в истории культуры

Культурно-историческая парадигма: разнообразие традиций

Основная цель данной статьи – обсудить вопросы развития культурно-исторической парадигмы в современной науке с позиции культурно-аналитического подхода к изучению эволюции психологического знания [Гусельцева, 2015]. Под культурно-исторической парадигмой в широком смысле мы будем понимать изучение психологических феноменов в соотнесении с развитием истории и культуры, то есть имплицитную взаимосвязь психики (сознания, бессознательного, ментальности), практик (поведения, поступков, деятельности, повседневной жизни) и изменяющихся культурно-исторических и социокультурных контекстов развития. Иными словами, культурно-историческая парадигма – это обобщающее название для разнообразия соответствующих тематических исследований, представленных как в психологии, так и в социогуманитарном познании. В рамках данной статьи мы также будем употреблять понятие «культурно-исторический дискурс» как способ функционирования и развития культурно-исторической парадигмы, подчеркивающий прежде всего ее динамические аспекты.

Обращаясь к анализу истории науки, есть все основания утверждать, что культурно-историческая

парадигма представлена в разнообразии интеллектуальных исследовательских традиций[1], среди которых ведущими исторически являлись немецкая, французская и английская. С позиции культурно-аналитического подхода представляется важным подчеркнуть их специфику, а также обсудить роль и значение в современной психологии.

Так, значимой вехой становления *немецкой культурно-исторической традиции* явилась публикация фундаментального труда Дж.Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Поскольку современники автора не рефлексировали исторических изменений сознания, вместе с названной книгой в немецкую интеллектуальную традицию пришел исторический стиль мышления[2]. Дж.Вико сформулировал ряд важных идей: человек – социальное существо; человеческий мир, мир культуры и гражданственности творятся людьми; человек – символическое существо; символы играют важную роль в развитии человека; культура – плод деятельности человека, как духовной, так и социальной. Эти идеи не только не устарели, но в наши дни представляются самоочевидными. Более того, парадоксальным образом Дж.Вико сместил оптику объективности с естествознания на гуманитаристику. Он доказывал, что точное знание рождает не естественные науки, а изучающие человека, гуманитарные; что постижение культуры ведет к более истинным и достоверным результатам, нежели познание природы (подробнее см. [Скирбекк, Гилье, 2008]).

Близкие Дж.Вико представления развивал И.Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791). Он рассматривал эволюцию человеческого сознания как исторический процесс и исследовал в нем роль символов. В его подходе на передний план вышли идеи развития, самосовершенствования человека и гуманизма (эволюция человека, наций и человечества как восхождение к гуманизму). Для изучения психологических особенностей разных народов он предложил сравнительно-исторический метод. В дальнейшем эта линия – философия истории – была продолжена в учениях И.Фихте и Г.Гегеля, а историко-генетическая методология нашла применение в этнологии, истории литературы и искусства.

В начале XX в. в немецкой этнографии возникла *культурно-историческая школа*, представленная такими учеными, как Ф.Гребнер, Л.Фробениус, В.Шмидт, И.Генкель и В.Копперс, которые развивали два направления – диффузионизм и концепцию культурно-исторических кругов. Философской опорой этой школы служило неокантианство, в частности, учение Г.Риккерта о ценностях и уникальности историко-культурных феноменов, требующих особой исследовательской методологии (подробнее см. [Марков, 2004]). В.Дильтей и Э.Шпрангер сделали культурно-исторический дискурс приоритетным в построении описательной и понимающей психологии. Менее известна разработка культурно-исторических вопросов в наследии историка К.Лампрехта – «психологическая теория истории» (см. [Лампрехт, 1894, 1895]). Роль герменевтики как общей методологии гуманитарного знания и учение М.Вебера для развития культурно-исторической парадигмы в социогуманитарных науках также трудно переоценить.

Среди особенностей немецкой интеллектуальной традиции отметим исторический стиль мышления, углубленную разработку философии культуры и философии истории, обоснованную в рамках неокантианства взаимосвязь категорий «культура» и «деятельность». На наш взгляд, именно неокантианская философия служила наиболее продуктивной и поддерживающей интеллектуальной средой для разработки культурно-деятельностных подходов в психологии [Гусельцева, 2007].

Во *французской интеллектуальной традиции* культурно-историческая парадигма складывалась преимущественно в области искусствоведения и литературной критики. Так, И.Тэн изучал произведения искусства во взаимосвязи с общественной психологией и мировоззрением художника. Литературовед-медиевист Ж.Бедье при помощи культурно-исторического метода доказывал взаимосвязь французской новеллы с культурой и психологией повседневности. Ф.Брюнетьер стремился выявить внутреннюю логику эволюции литературы, как вклад личностей, так и различные способы рождения традиций [Брюнетьер, 1893]. Г.Лансон с позиции собственного культурно-исторического метода изучал взаимную обусловленность культурной эпохи, идейного

содержания произведения, мировоззрения и стиля художника, делая также опору на данные психологии и биографический метод [Лансон, 1911; Lanson, 1915].

Внутри французской интеллектуальной традиции культурно-историческая парадигма представлена в довольно широком диапазоне: от разработки вопросов коллективной психологии (психологии масс) Г.Лебона и Г.Тарда до историко-эволюционной методологии Т.Рибо и П.Жане. Следует также отметить гуманистические и культурно-исторические идеи Ш.Монтескьё, социогенетический рационализм Ф.Вольтера и Ж.-Ж.Руссо. Структурная антропология К.Леви-Стросса и исторический синтез школы «Анналов» также открывали горизонты развития культурно-исторического дискурса о человеке. В этой связи обратим внимание на такие идеи французской интеллектуальной традиции как антропология повседневности, исторический синтез и культурный анализ.

Так, междисциплинарные поиски, связанные с синтезом исторического знания, стартовали во Франции в начале XX в. В 1900 г. А.Берр организовал журнал «Revue de synthese historique», в 1920-1930-е гг. возникла историческая школа «Анналов». Проблема изучения ментальности по праву может быть названа одним из первых проблемно-ориентированных исследований. В основе изучения истории ментальности как культурно-исторической исследовательской парадигмы лежала идея реконструировать целостный образ человека в повседневной жизни той или иной культуры. В то время как во Франции вышли работы Л.Леви-Брюля «Первобытная ментальность» (1922), Ш.Блонделя «Первобытная ментальность» (1926) и А.Валлона «Первобытная ментальность и ментальность ребенка» (1928), в России издавались труды П.М.Бицилли, посвященные анализу психологического склада людей эпох Средневековья и Возрождения [Guseltseva, 2012]. Незадолго до публикации сочинения М.Блока «Короли-чудотворцы» (1924), посвященного исследованию «коллективных представлений», появились работы Й.Хейзинги «Осень Средневековья» (1919) и Л.П.Карсавина «Основы средневековой религиозности» (1915), которые по праву можно назвать предтечей не только истории ментальности, но и исторической антропологии (антропологического поворота в целом). Однако проблема когерентности исследований стала своего рода визитной карточкой культурно-исторической парадигмы в школе «Анналов».

Сильной стороной французского постструктурализма явилась разрабатываемая в этом контексте *методология культурного анализа*. Между тем философия постструктурализма и методология социогуманитарных наук М.Фуко явно недостаточно отрефлексированы в плане развития культурно-исторической парадигмы. С позиции культурно-аналитического похода нами было показано [Гусельцева, 2007, 2012], что если в 1920–1930-е гг. Л.С.Выготский обращался к знакам, чтобы понять механизм овладения человеческим поведением, и его психология, по замыслу инструментальная («психотехника – в одном слове, то есть научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» [Выготский, 1982, с. 389]), соответствовала идеологическому пафосу формирования нового человека, то, например, французские постструктуралисты начиная с 1960–1970-х гг. исследовали знаковые системы, которые управляют людьми, не будучи ими осознаваемы, с целью выработать опыт сопротивления подобного рода идеологическим воздействиям.

Так, например, Р.Барт изучал, каким образом «опредметившаяся в языке идеологическая сетка» встает между человеком и реальностью, заставляя человека «думать в определенных категориях» и избирательно воспринимать действительность [Барт, 1994, с. 15]. Эту идеологическую сетку он назвал «социолектом» или «типом письма», выявив в этом процессе культурный механизм *подавления индивидуальности*. В качестве средства сопротивления власти идеологии Р.Барт разрабатывал аналитико-семиотический подход, отмечая, что разоблачение идеологии «невозможно без тончайшего аналитического инструмента» [Там же. С. 18].

Таким образом, если традиция культурно-исторической парадигмы в школе Л.С.Выготского рассматривала, как общество формирует идентичность индивидуума, в том числе средствами идеологии, то культурно-историческая парадигма со стороны французского постструктурализма

сосредоточилась на ином ракурсе рассмотрения проблемы: как индивидуальность способна противостоять разного рода идеологическим воздействиям [Гусельцева, 2007, 2012].

Занимаясь разработкой культурных средств сопротивления идеологии власти, сознательного противодействия индивидуума обезличиванию и управлению его поведением, постструктурализм нес социальную миссию: «защитить человека от монстра – Идеологии, способствовать формированию у него плюралистического, многомерного взгляда на мир, воспринимаемый во всей полноте его множественных текучих смыслов, привить терпимость к инаковому» [Скоропанова, 2001, с. 47]. Таким образом, Ж.Деррида, Ю.Кристева, Р.Барт, М.Фуко исследовали пути личного сопротивления насилию знаковых систем, искали способы защиты и противодействия «логоцентризму» и «моносемии» как всепроникающей власти идеологии [Там же].

Английская интеллектуальная традиция реализовывала культурно-историческую парадигму в форме разработки социальной антропологии. В этом контексте происходило методологически значимое событие – дифференциация понятий «культура» и «общество». Так, в работах Б.Малиновского (как и Л.С.Выготского) еще не было четкого разделения на «культурное» и «социальное». Потребовалось время, чтобы «слова "культура" и "общество" стали обозначать абсолютно разные подходы» [Мэйр, 2004, с. 885]. Одним из первых проблему дифференциации культурного и социального в качестве различных типов исследования поставил антрополог А.Р.Рэдклифф-Браун. В дальнейшем развитии социогуманитарных наук эта дифференциация сделалась еще более значимой: общество рассматривали как группу взаимодействующих людей, а культуру – как специфический образ жизни. Для исследования общества и социальных феноменов достаточной была деятельностная методология, для изучения же сложных культурно-психологических реальностей и уникальных феноменов развития возникла необходимость в разработке культурно-аналитического подхода [Гусельцева, 2015]. Согласно наблюдению одного из представителей современной культуральной истории П.Бёрка: «В сегодняшнем мире культурные различия важнее, чем политические или экономические» [Бёрк, 2015, с. 11]; и если несколько десятилетий назад ученые рассуждали об обществе, то сегодня по тем же поводам оперируют термином «культура» [Там же].

В наши дни культурно-историческая парадигма обрела черты трандисциплинарности и транснациональности. Значимую лепту в современное развитие культурно-исторических дискурсов в психологии внесли исследования Дж.Миллер и Р.Шведера [Miller, 1999; Shweder, 1991]; одним из авторитетных представителей новейшей волны культурно-исторической психологии является Г.Хофстеде [Hofstede, 2001, 2011; Hofstede et al., 2010].

Российская традиция культурно-психологических исследований складывалась на основании синтеза ведущих европейских интеллектуальных традиций (немецкой, французской, английской). По всей видимости, в этом заключалась ее сила: из немецкой традиции была унаследована проблематика взаимосвязи культуры и деятельности, из английской – сравнительный метод и эволюционная эпистемология, из французской – трактовка культуры как цивилизации, то есть в аспектах социальности, а также представления о механизмах социализации личности. С позиции культурно-аналитического подхода перед нами стояла задача не только систематизировать эти традиции, но и включить их в контексты современности [Гусельцева, 2015]. Такого рода задача неизбежно связана с обновлением концептуального аппарата психологии и поисками новых, более гибких и текучих методологий, для характеристики которых нами используется конструкт *методологическая стратегия*.

Культурно-аналитический подход: методологическая стратегия

Культурно-аналитический подход – методологическая стратегия интеграции гуманитарных

аспектов психологического знания, которая также обеспечивает перевод философских и общенаучных идей в концептуальные поля психологии. Таким образом, культурно-аналитический подход служит инструментом для решения исследовательских задач на стыке психологии и социогуманитарного знания. Он выступает в двух ракурсах – как *историко-методологический анализ* (при взгляде в прошлое), выявляющий интеллектуальные традиции и методологические предпосылки психологических подходов и школ, и как *исследовательская программа* (при взгляде в будущее), помогающая продиагностировать и выстроить контуры новых направлений.

Изначально культурно-аналитический подход создавался для интерпретации и обобщения культурно-психологических исследований на стыке психологии и смежных наук. На сегодняшний день он представляет собой совокупность аналитических стратегий, направленных на синтез культурно-психологического знания в современной познавательной ситуации. Приоритетной же сферой его интереса является выявление латентных движений и недооцененных идей в истории науки и культуры, а также методологических предпосылок, познавательных установок и предрассудков в современном научном познании. В этом плане он сближается с такими новыми исследовательскими направлениями, как антропология повседневности и *этнография науки* (см. [Панченко, 2012]).

Культурно-аналитический подход опирается на методологический инструментарий, включающий универсальные модели эволюции научного знания, внутреннюю логику развития науки, анализ социокультурных факторов и особенностей познавательной ситуации развития науки, микроаналитические и биографические аспекты жизни ученых, что в совокупности создает объемность историко-методологического исследования. Обращаясь в сторону прошлого, культурно-аналитический подход служит выявлению интеллектуальных исследовательских традиций и латентных движений в истории науки.

В контексте культурно-аналитического подхода нами предложен термин *культурно-психологическое знание* как обозначение продукта исследовательской работы в диапазоне прослеживания эволюции (в том числе выявления латентных линий) культурно-исторической парадигмы, а также термин *культурно-психологические исследования* – междисциплинарные исследования на стыке психологии и социогуманитарных наук [Гусельцева, 2015]. Культурно-аналитический подход работает с культурно-психологическим знанием, собирая его в систему (с рабочим названием *историческая психология культуры*) и включая в новые реконструкции истории психологии. Важно отметить, что в современной науке история психологии – не застывшее, а живое знание, то есть продукт непрестанной деконструкции, реконструкции и переосмысления.

При этом интерпретация и интеграция культурно-психологического знания с позиции культурно-аналитического подхода использует широкий спектр науковедческих аналитических конструкций, включающих:

- уровни методологии науки (Э.Г.Юдин);
- универсальные модели эволюции науки (В.С.Соловьев, Э.Мецжер, Т.Кун, С.Тулмин, М.Полани и др.);
- концепции смены парадигм и исторических типов рациональности (М.К.Мамардашвили, В.С.Степин);
- интеллектуальную историю науки;
- историю психологии в контексте истории культуры;
- координаты научного творчества (М.Г.Ярошевский);
- латентные линии, большие и малые культурные традиции в истории науки;
- микроаналитику истории психологии и этнографию науки.

Обратим внимание, что в рамках культурно-аналитического подхода эти конструкции претерпели значительную модернизацию, в том числе приобрели новые системные свойства, став элементами

иной концептуальной системы. Рассматривая же развитие культурно-исторической парадигмы в современной науке с позиции культурно-аналитического подхода, необходимо начать с латентно-семантического анализа, выявляющего целый ряд конструктов, связанных с корневым понятием.

Латентно-семантический анализ исследовательских полей науки

Латентно-семантический анализ представляет собой изучение взаимосвязи между текстами и используемыми в них терминами. Этот исследовательский метод был предложен в конце XX в. рядом исследователей [Landauer et al., 1998]. В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода данный метод может быть модернизирован для изучения как имплицитных представлений в научном сообществе, так и горизонтов конструирования новых исследовательских программ.

Опираясь на латентно-семантический анализ, с позиции культурно-аналитического подхода мы обнаруживаем гетерогенность и многослойность культурно-исторической парадигмы в психологии и социогуманитарном познании. В свою очередь, это порождает вопросы, как соотносятся между собой культурно-историческая психология, культурно-историческая эпистемология, культурно-историческая методология, культурно-исторический подход, культурно-психологические исследования. По всей видимости, за такого рода терминологическим разнообразием лежат разные уровни анализа, и предполагаемая схема гораздо шире, нежели известные три-четыре уровня методологии науки. Изучая те или иные культурно-исторические концепции в психологии и смежных науках, полезно соотносить их с этой новой схемой, благодаря которой мы имеем более объемное представление о современном культурно-психологическом знании.

Более того, культурно-историческая парадигма, представленная на разных (в том числе латентных) уровнях методологии науки, требует не только терминологической дифференциации, но и методологического перевода. Ибо существует определенная дистанция между разработкой культурно-исторической парадигмы на философском и общенаучном уровнях методологии науки и тем, как это знание может быть использовано в конкретных психологических исследованиях. Так, в современном российском познании мы имеем развитость культурно-исторической эпистемологии в философии и социогуманитарных науках (см. [Автономова, Щедрина, 2014]), однако, что от этого психологии? Таким образом, путь от философских горизонтов к эмпирической психологии требует последовательного методологического перевода.

Вопросы же методологического перевода заслуживают отдельного обсуждения (см., например: [Автономова, 2008]). Перевод – механизм взаимодействия одной концепции с другой; в отдельных случаях – механизм концептуального синтеза. Мы усваиваем знание через внутренний перевод (ибо если не перевели на свой язык, не вписали в горизонты своей познавательной ситуации, то не усвоили; отметим также, что именно этим понятие «интернализация» знания отличается от «интериоризации»). Особая тема – методологический перевод и его обоснование в качестве гибкой стратегии для полипарадигмальной интеграции знания. В этом плане полезно присмотреться, как данная проблема решается в исследованиях культуры, в которых то или иное выбранное понятие создает определенную фокусировку системы других понятий. Так, согласно Д.Бахманн-Медик, перевод осмысливается как важнейшая аналитическая категория и необходимая характеристика социального действия. Будучи чувствительна к разладам и трениям глобального мира, а иногда и ответственна за них, эта категория опосредует «микроанализ конфликтных взаимодействий между этносами, странами, классами, гендерными позициями и формами правления» [Бахманн-Медик, 2013].

С позиции культурно-аналитического подхода инструментами методологического перевода выступают метафорические конструкты и «зонтичные понятия», которые, с одной стороны, служат средствами переосмысления иных конструктов, а с другой – позволяют по принципу

«зашнуровывания» (bootstrap) знания осуществлять его полипарадигмальную интеграцию [Гусельцева, 2015]. В таком случае возникает вопрос: сопоставима ли смена парадигм с методологическим переводом? На наш взгляд, именно эта метаморфоза, то есть переход от непримиримой борьбы идей к попыткам интеграции, к достижению консенсуса, к поиску способов перевода с одного концептуального языка на другой, и характеризует новое состояние науки, обозначенное как трансдисциплинарность и полипарадигмальность. Такая модель в своей основе фиксирует более сложное, объемное, сетевое по способу организации и многослойное по структуре знание.

Вышесказанное подводит нас к необходимости переосмыслить те реальности, которые могут представляться самоочевидными [3]. Так, ключевыми словами в культурно-исторической парадигме (в подходе, в психологии) являются понятия «культура» и «история». Однако мы не должны воспринимать это как данность, ибо сами опорные понятия нуждаются в психологии в проблематизации. Совершенно справедливо положение дел охарактеризовал Т.Иглтон: «Мы сегодня зажаты между чрезвычайно широким и слишком жестким понятием культуры, и наша самая насущная задача в этой области – выйти за пределы обоих понятий» [Иглтон, 2012, с. 53].

Итак, культура – зонтичное понятие в том смысле, что в нем латентно содержится множество представлений о культуре (подробнее см. [Гусельцева, 2007]). Однако за этим разнообразием определений культуры таится необходимость дифференцировать культурно-психологические реальности с позиции задач психологии. Подобно тому, как эскимосы различают до сорока оттенков снега, так и психологи, работающие в культурно-исторической парадигме, нуждаются в дифференциации миров культуры. Культура (перифразируя) – тот камень, которым пренебрегли строители при возведении зданий культурно-исторической и других отечественных концепций, – должен быть поставлен во главу угла.

Таким образом, контекстом развития культурно-исторической парадигмы становится возрастание значимости факторов культуры и в современной науке, и в жизни современного общества. Это значит, что в реалиях психологии современности мало что можно понять, не обращаясь к анализу культуры. В общенаучной познавательной ситуации сложился определенный консенсус о важности роли культуры. «Культура имеет значение» – такое название получил знаменитый междисциплинарный исследовательский проект Л.Харрисона и С.Хантингтона [Харрисон, Хантингтон, 2002]. Однако психологии необходима не только рефлексия разных концепций культуры, но и собственная теория культуры, развитая внутри психологии.

Аналогичным образом дело обстоит с проблематизацией истории. Здесь необходимо обратить внимание на то, как развивалось историческое познание, как менялись разные перспективы истории и социальной эволюции: от истории, написанной с позиции государства (история войн и самодержцев) – к истории повседневности и истории как личностной интерпретации. В эволюции исторического знания движение от тотальной и линейной к многомерной и многослойной истории может быть представлено следующим образом: всеобщая (тотальная) история – государственная (политическая) – социальная (экономическая) – культурная – антропологическая (история повседневности).

В свое время К.Д.Кавелин отмечал, что культурно-историческая психология является «завершающей наукой», в том смысле, что для ее развития необходим определенный уровень методологии социогуманитарных наук [Гусельцева, 2015]. Важным конструктом в современном социогуманитарном знании становится *антропологическая оптика*. Это фокусировка на человеческом измерении изучаемой проблематики. Фокусировка на развитии человека есть то, что сближает социогуманитарное знание с психологией. Наряду с этим, «в... антропологических дискурсах размываются границы между научными дисциплинами и научными парадигмами, в результате чего возникают новые формы плюралистического знания» [Вульф, 2008, с. 10]. Таким образом, антропологический поворот представляет двустороннее движение, где, с одной стороны, поддерживается микроаналитика, фокусировка на разнообразии и уникальности, а с другой – мир

начинает рассматриваться через призму культуры, в поисках основы для овладения нестабильностью и неустойчивостью процессов глобализации.

В свою очередь, представления о сложности и разнообразии культуры, переход к антропологической трактовке истории (см. также [Прохорова, 2009]), осмысление ее многомерности и разнослойности ведут нас к разработке понятия латентных традиций.

Латенции – скрытые тенденции. «Мир через призму культуры»

Культурно-аналитический подход обращается к изучению латентного развития тех или иных исследовательских традиций. Продуктивной для анализа эволюции психологического знания (в том числе культурно-исторической парадигмы в психологии) представляется концепция *неодновременности современности* немецкого философа Э.Блоха (см. [Вершинин, 2001]), подразумевающая модель сложных и амбивалентных взаимоотношений между культурными слоями внутри одной эпохи. Термином «латенция» мы также обязаны этому ученому, ибо латенции (скрытые тенденции) – конструкт, возникший в контексте названной концепции.

Наряду с концепцией неодновременности современности Э.Блоха, эвристичным для анализа и реконструкции истории психологии представляется понятие *большой и малой культурной традиции*, разработанное историком культуры И.Г.Яковенко, также выделившим в эволюции культуры разнообразие латентных линий развития [Яковенко, 2013]. С позиции культурно-аналитического подхода эти конструкты позволяют нам увидеть и оценить не только скрытую динамику эволюции науки, но и значимость латентного знания.

За большой и малой культурными традициями стоят различные эпистемологические оптики, системы координат и картины мира. Для соотнесения между ними зачастую требуется методологический перевод. Так, большая традиция представляет доминирующую в обществе эпистемологическую парадигму. Малая же воплощена в маргинальных и оппонирующих официальной традиции линиях развития, а также в латентных течениях культуры. И.Г.Яковенко подчеркивает особую роль малых традиций в смене эпох и культурных парадигм. «Люди, примыкающие к проигравшим и маргинализированным учениям, более открыты идеальным мотивам» [Там же. С. 60].

Малые культурные традиции, как правило, развивают неформальные сообщества, интеллектуальные меньшинства, еретические и диссидентские движения. «Большая и малая традиции различаются не только идеологически, в содержательном отношении, но и по общекультурным, стилевым, психологическим характеристикам. Они апеллируют к разным сторонам человеческой личности и предполагают различающуюся базовую аудиторию» [Там же. С. 59]. Согласно культурно-аналитическому подходу оперирование разнообразием исследовательских оптик позволяет нам обнаруживать феномены, неочевидные и неявные для иных типов рациональности [Гусельцева, 2015]. Сходную роль играют культурные традиции: «Видение культуры с точки зрения диалектики большой и малой традиций позволяет прозреть реалии, закрытые для восприятия пеленой привычных стереотипов, и продвигаться в понимании нашей собственной природы» [Яковенко, 2013, с. 91].

Какое значение эти разработки имеют для психологии? Культурно-аналитический подход направлен на выявление и реконструкцию латентных линий развития, движений и тенденций в истории науки и культуры. Он показывает значимость малых (неформальных, маргинальных, скрытых) традиций в эволюции психологического знания. Культурно-аналитический подход реконструирует немагистральные линии развития истории психологии, делая последнюю более многомерной, полной и насыщенной («насыщенное описание» в интерпретативной антропологии

К.Гирца). В свою очередь, взгляд через антропологическую оптику избавляет историю психологии от логоцентризма и мейнстрим-идеологии, включая в эволюции психологического знания интеллектуальное наследие, создаваемое, например, провинциальными краеведами[4]. Архивная работа в этом направлении не только не закончена, но практически в начале пути. Таким образом, история отечественной культурно-исторической психологии – столько же наука будущего, сколько задачи настоящего. Разумеется, здесь существует определенный риск размывания предметного поля, однако он легко компенсируется обязательностью методологической рефлексией, будучи оправданным в плане обогащения идей и развития трансдисциплинарности психологического знания.

Отечественная культурно-историческая парадигма в широком смысле слова разбросана и разметана по всему XX в. Это не только хорошо известные работы К.Д.Кавелина, А.А.Потебни, Г.Г.Шпета, Д.Н.Овсяннико-Куликовского, Л.С.Выготского, А.Р.Лурии, но и множество пока еще безымянных работ историков, этнографов, литературоведов, чьи культурно-психологические идеи не переработаны и не осмыслены в качестве истории психологии. Наиболее яркими из них являются «этюды индивидуализма» невропатолога Г.И.Маркелова (ученика В.М.Бехтерева), реконструировавшего становление индивидуальности личности в истории культуры; историка Н.В.Теплова, изучавшего «гениальность как культурно-исторический феномен», а также одним из первых в 1902 г. обосновавшего необходимость культурологии как особой науки; этнографа П.Ф.Преображенского, разрабатывавшего на основе английской и немецкой интеллектуальных традиций оригинальный культурно-исторический подход и проект этнопсихологии, введшего конструкт «готовность культуры к заимствованию»; этнографа Б.А.Куфтина, развивавшего культурно-исторический метод и понятие районов «задержавшегося культурного развития»; труды и методологические продвижения Петербургской школы медиевистики, возглавляемой И.М.Гревсом (подробнее см. [Гусельцева, 2015]). Все это составляет круг неочевидного культурно-психологического знания, которое развивалось латентно, преимущественно в смежных науках.

Важно отметить, что отечественная гуманитаристика, задавленная прессом тоталитарной идеологии, тем не менее продолжала определенное латентное и неформальное развитие. Культурно-аналитический подход стремится воссоздать то культурное наследие, которое мы потеряли, ибо неотработанной культурной травмой является не только разгром научных школ, но и нерождение вполне созревших исследовательских направлений. Множество ученых и новых подходов было уничтожено, и наш долг не только восстановить историческую память, но и воскресить утраченные идеи, переосмысливая их в психологии современности.

Заключение

Исторический стиль мышления, идея разнообразия культур и антропологическая оптика – предпосылки становления культурно-исторической парадигмы в психологии, которые складывались в процессе эволюции определенных исследовательских традиций. Культурно-аналитический подход систематизирует эти традиции посредством переосмысления в контекстах исследовательских задач современности. Важность современной оптики, в том числе культурно-аналитического подхода, обусловлена возможностью обнаружить богатство культурно-исторических традиций в отечественной психологии и – шире – социогуманитарном знании XX в. «Рукописи не горят»: традиции, казавшиеся утерянными, незамеченными, исчезнувшими, при определенных усилиях к нам возвращаются. В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода совершается восстановление недооцененных концепций и забытых имен. История психологии превращается здесь в поток переосмысления и обогащенной реконструкция культурно-психологического знания, причем, не застывшего, а живущего в изменениях познания.

Возвращаясь в современность и изучая те или иные психологические феномены, мы должны интегрировать разные планы анализа современной культуры. Так, стилистика мышления в культурно-аналитическом подходе предполагает рассмотрение эволюции изучаемого феномена в

системе координат история – практики – психика – культура. При этом разворачивание идеи культуры в психологии стимулирует и проблематику субъекта и разнообразия (см. [Знаков, 2015; Сергиенко, 2012]). Таким образом, ведущим контекстом развития культурно-исторической парадигмы в современной науке является, с одной стороны, сензитивность к анализу культуральных факторов, а с другой – антиномия глобализации и индивидуализации в становлении идентичности человека, также требующая внимания со стороны культурно-психологического познания.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.

Автономова Н.С., Щедрина Т.Г. (Ред.). Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Барт Р. [Barthes R.] Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.

Бахманн-Медик Д. [Bachmann-Medick D.] Культурные повороты по следам «антропологического»: некоторые замечания. Новое литературное обозрение, 2013, No. 122, <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/7b.html>

Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Высшая школа экономики, 2015.

Брюнетьер Ф. [Brunetière F.] Отличительный характер французской литературы. Одесса: Тип. Исаковича, 1893.

Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2001.

Вульф К. [Wulf K.] Антропология: История, культура, философия. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2008.

Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.

Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.

Гусельцева М.С. Информационная социализация средствами истории: методологические аспекты. Образовательная политика, 2012, 3(59), 60–81.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к эволюции психологического знания. дис.... д-ра психол. наук. Психологический институт РАО, Москва, 2015. <http://www.pirao.ru/images/thesis-presentations/GuseltsevaMS/GuseltsevaMS-thesis.pdf>

Жолковский А.К. Мемуарные виньетки и другие non-fiction. Нижний Новгород: URBI, 2000.

Знаков В.В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания. Психологические исследования, 2015, 8(42), 12. <http://psystudy.ru>

Иглтон Т. Идея культуры. М.: Высшая школа экономики, 2012.

- Лампрехт К. [Lamprecht K.] История германского народа. М.: Издательство К.Т.Солдатенкова, 1894. Т. 1. http://imwerden.de/pdf/lamprecht_istoria_germanskogo_naroda_tom1.pdf
- Лампрехт К. [Lamprecht K.] История германского народа. М.: Издательство К.Т.Солдатенкова, 1895. Т. 2. http://imwerden.de/pdf/lamprecht_istoria_germanskogo_naroda_tom2.pdf
- Лансон Г. [Lanson G.] Метод в истории литературы. М.: Мир, 1911.
- Марков Г.Е. Немецкая этнология. М.: Академический проект, 2004.
- Мэйр Л. [Mayer L.] Малиновский и изучение социальных изменений. В кн.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 881–901.
- Панченко А. «Антропологический поворот» и «этнография науки». Новое литературное обозрение, 2012, No. 113. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/pa12.html>
- Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста. Новое литературное обозрение, 2009, No. 100, 9–16.
- Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012, 5(24), 1. <http://psystudy.ru>
- Скирбекк Г., Гилье Н. [Skirbekk G., Gilje N.] История философии. М.: ВЛАДОС, 2008.
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2001.
- Харрисон Л., Хантингтон С. [Harrison L., Huntington S.] (Ред.). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
- Челпанов Г.И. Социальная психология или «условные рефлексы»? М.: Изд. автора, 1926.
- Яковенко И.Г. Мир через призму культуры. Культурология и россиеведение. М.: Знание, 2013.
- Guseltseva M. La démarche analytico-culturelle comme fondement du dialogue dans le domaine des sciences humaines. In: M. Dennes, T. Martsinkovskaïa (Eds.), Interdépendance et influences réciproques des sciences humaines en Russie et en France dans la première moitié du XXe siècle. Bordeaux: MSHA, 2012. pp. 49–90.
- Firestein S. Ignorance: How It Drives Science. New York, NY: Oxford, 2012.
- Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. Introduction to Latent Semantic Analysis. Discourse Processes, 1998, 25(2–3), 259–284. http://wtlab.um.ac.ir/images/e-library/text_mining/An%20Introduction%20to%20Latent%20Semantic%20Analysis.pdf
- Lanson G. Culture allemande, humanité russe. Paris: Payot&cie, 1915.
- Miller J.G. Cultural psychology: Implications for basic psychological theory. Psychological Science, 1999, 10(2), 85–91.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. New York, NY: McGraw-Hill, 2010.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2011, 2(1). <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

Shweder R.A. Thinking Through Cultures: Expeditions in Cultural Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Примечания

[1] *Интеллектуальные исследовательские традиции* – конструкт, введенный в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода, представляющий собой синтез понятий «исследовательская традиция» и «интеллектуальный стиль», которыми оперируют ученые в истории науки, истории культуры и социологии знания. Каждая интеллектуальная традиция наиболее полно раскрывает определенные эпистемологические ракурсы. Так, английская традиция развивала в психологии идеи эмпиризма и эволюционизма, французская – рационализм и пафос социокультурной модернизации реальности, немецкая наиболее глубоко разрабатывала философские аспекты проблем деятельности, истории и культуры.

[2] Исторический способ мышления, если проследить его истоки, зародился в традиции христианской антропологии, где изменилось представление о времени; последнее перестало восприниматься циклически, а в образе летящей в будущее стрелы. В эпоху Возрождения этот стиль мышления набирал силу, однако в отретексированной форме проявился в идеологии прогресса и самосовершенствования человека эпохи Просвещения.

[3] Этот феномен следовало бы назвать неочевидные очевидности: так, нейробиолог С.Файрстейн в книге «Ignorance: How It Drives Science» отмечает, что границы известного и неизвестного в науке не только расплывчаты, но и подвижны: то, что сегодня представляется известным, завтра, при усложнении взгляда, может предстать уже не таким однозначным [Firestein, 2012]. Осуществляя рефлексивную работу с методологическими оптиками и развивая практики обнаружения *оригинального в банальном*, культурно-аналитический подход, выявляя скрытые тенденции и латентные движения в культуре, возвращает в историю психологии недооцененные концепции и забытые имена [Гусельцева, 2015]. «Я много раз убеждался, что в любую самую изученную область, где, казалось бы, не протолкнешься, достаточно просунуть руку, чтобы поднять с полу что-нибудь никем не замеченное, хотя и лежащее на виду» [Жолковский, 2000, с. 19].

[4] «В России накоплен богатейший этнографический материал (Труды Академии наук, Географического общества, Общества любителей естествознания и пр.), который вследствие незнакомства западных ученых с русским языком не использован для нашей коллективной психологии. Г.Спенсер выражал сожаление, что незнание русского языка мешает ему использовать материалы русской этнографии для целей социальной психологии. В 1911 г. Вундт, зная размеры неиспользованного материала, выражал такое же сожаление» [Челпанов, 1926, с. 36].

Поступила в редакцию 6 апреля 2016 г. Дата публикации: 18 августа 2016 г.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Культурно-историческая парадигма в психологии и социогуманитарных науках. Психологические исследования, 2016, 9(48), 9. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Культурно-историческая парадигма в психологии и социогуманитарных науках // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 48. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1311-guseltseva48.html>

[К началу страницы >>](#)